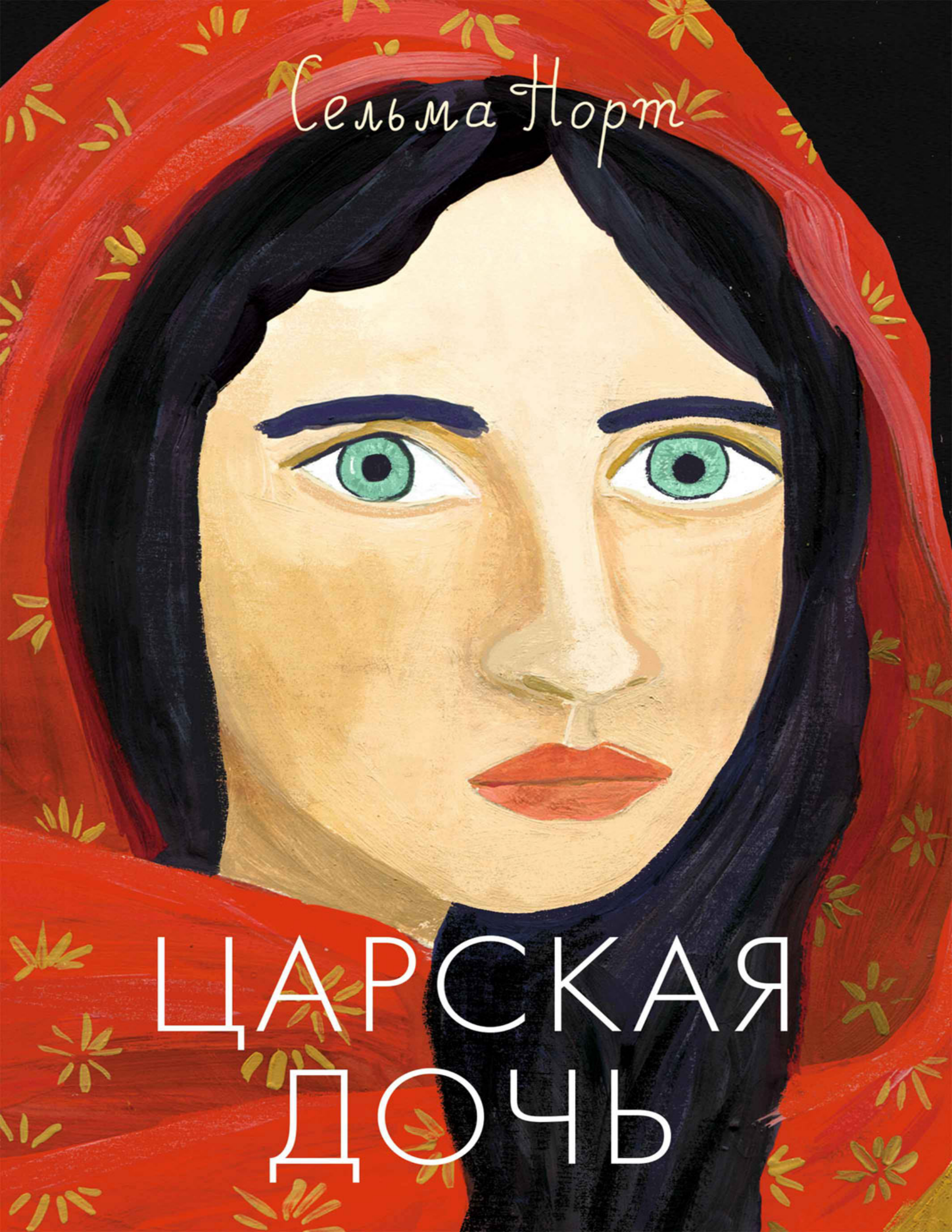

A stylized, painterly portrait of a woman with dark, wavy hair and striking green eyes. She is wearing a vibrant red headscarf adorned with small, golden-yellow floral patterns. The background is a solid black, which makes the red of the headscarf and the green of the eyes stand out. The woman's expression is neutral, and her lips are painted a soft red. The overall style is reminiscent of mid-20th-century Russian or Soviet-era art.

Сельма Хорт

ЦАРСКАЯ
ДОЧЬ

Книга издана при финансовой поддержке Нидерландского
литературного фонда

Nederlands
letterenfonds
dutch foundation
for literature

Selma Noort

KONINGSKIND

Leopold / Amsterdam

Сельма Норт

ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

Перевод с нидерландского
Ирины Лейченко

Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется
знаком 16+*

Художественное оформление Полины Плавинской

В этом увлекательном романе библейская притча переплетается с рассказом о Зиссель, незаконнорожденной дочери простой девушки Лидии и царя Соломона. Немая от рождения, Зиссель слышит и понимает всё. И в ночь, когда на свет появляется ее младший брат, Зиссель невольно становится свидетельницей немыслимого заговора. Так она отправляется ко двору царя Соломона — мудрого, но жестокого и развратного правителя. Никто, в том числе и сам Соломон, не знает об истинном происхождении Зиссель. Но ее выдает цвет глаз.

Сельма Норт (род. 1960) — нидерландская писательница и автор детских книг. За свой вклад в литературу Сельма Норт получила множество престижных литературных наград, включая премию имени Теи Бекман за лучшую историческую детскую книгу 2016 года и две премии «Серебряный грифель».

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия
издательства.*

Original title: Koningskind © text Selma Noort, Uitgeverij Leopold, 2020

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, transmitted, broadcast or stored in an information retrieval system in any form or by any means, graphic, electronic, digital or mechanical, including photocopying, taping and recording, without prior written permission from Publisher.

© Лейченко И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

**ISBN 978-5-
00167-368-2**

ОКОЛО ТРЕХ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

Неизвестная история

Лидии было пятнадцать. Она стояла по пояс в воде, чтобы хищники не почуяли запаха ее крови. Когда после многочасовых мук неудержимая сила вытолкнула из нее ребенка, Лидия увидела, что это девочка с короткой левой рукой и скрюченной кистью, на которой недоставало двух пальцев.

Неподалеку в поле, задрав морды к небу, были шакалы. У реки шелестели листвой на ночном ветерке тополя. Глухо ухали совы. А Лидия все смотрела на ручку младенца и думала, что ей с усталости померещилось. Пошатываясь, она добралась до берега, выкарабкалась на сушу, протерла глаза и взглянула еще раз. И еще.

Ей не померещилось.

— Ох, малышка! Ну, тише, тише, — прошептала она, прикладывая мокрую девочку к груди. Лидия решила дать ей имя Зиссель — «сладкая», потому что та родилась в чистой пресной воде источников, которые, словно дар божий, чуть поодаль пробивались из-под земли.

Позже Лидия не раз спрашивала себя: быть может, она и виновата в том, что Зиссель не разговаривает? Сама же нашептывала ей тогда: «Тише, тише».

Ибо слышать Зиссель слышала, но говорить не могла.

Известная история

Страной, что зовется ныне Израилем, правил некогда царь, о котором шла слава как о великом мудреце и человеке, обласканном своим богом. Имя ему было Соломон. Дворец его стоял в граде Сионе, и царь приказал построить там храм, столь огромный и роскошный, что предания о нем по сию пору передаются из уст в уста. Как у всех царей в те времена, было у Соломона множество жен, и жили они у него во дворце. И все же, объезжая свои владения, навещался он и к простым женщинам и девушкам. Дальнейшая участь этих женщин — и рождавшихся у них детей — царя нисколько не занимала. Не ведал он и о том, что пятнадцатилетняя Лидия родила от него дочь с короткой левой рукой и искривленной кистью без указательного и среднего пальцев. Лишь изредка позволял великий царь докладывать себе о сыновьях, что после его странствий появлялись на свет среди сдавленных криков боли, слез и проклятий.

От сыновей была польза: вновь и вновь сеять семя от царского семени и тем приумножать достославную мудрость Соломона. Знать своих незаконнорожденных отпрысков он не желал. Ему довольно было, что те, в ком текла его кровь, жили, работали в поте лица, сражались, занимались любовью и обзаводились потомством повсюду, до самых границ его царства.

Ибо это делало его в каком-то смысле бессмертным.

ЧАСТЬ I

До рождения Зиссель

Пусть Лидия и была еще совсем юной, она умела заставить себя уважать. Даже царь не забыл ее: когда он «почтил» ее высочайшим визитом, та, словно загнанная волчица, вцепилась зубами в его руку. Когда он вышел из дома Лидии к придворным, которые, позевывая, дожидались его в конце горбатого переулочка под выцветшим запыленным балдахинном, рана все еще кровоточила. Рыча от гнева, он отмахнулся от предложенного ему паланкина, вскочил на одного из своих скакунов и умчался с развевающимися на ветру волосами и прямой спиной, дабы все знали: ни одна женщина, кусачая или нет, не способна умалить его мужественности.

Никто не смыл с порога капли царской крови. Они впитались в пористый камень, запеклись на солнце, превратились в черные пятна, и никакая щетка, ничья, даже самая усердная, рука не смогли бы их оттереть.

Вся деревня видела, что царь побывал в доме родителей Лидии, вся деревня знала, что произошло с девушкой. Черные пятна на пороге заклеямили дом, и в конце концов Лидия решилась: закинула за спину узел с самым необходимым, прицепила к поясу кухонный нож да захватила крепкую палку — защищаться от диких зверей — и ушла.

Вскоре после этого ее мать умерла.

От стыда — злословили в деревне, но на самом деле от сыпного тифа: подхватила от сестры, когда та пришла ее утешить.

В ночь после похорон отец Лидии отправился на поиски своего старшего брата, когда-то ушедшего с кочевниками в пустыню, — надеялся обрести хоть какую-то семью, лишившись жены и дочери.

Спустя несколько недель из брошенного дома пропали кувшин, масляная лампа и ковер в цветистых узорах. За ними растащили и остальное. Через запятнанный порог поползли

сорняки, пробрались скорпионы и сколопендры, и со временем от стен, где Лидию баюкали и лелеяли, остались одни руины.

Когда Лидия покинула дом, она уже восемь месяцев носила под сердцем ребенка. У нее были сильные руки, сильные ноги и сильный характер. С вечера до утра шла она за луной, а днем таилась от людей, что могли ее заневолить.

Голодного шакала, бросившегося на нее, когда она после пары ночей пути склонилась к воде попить, Лидия ударила по голове с такой силой, что он рухнул замертво — морда так и застыла в оскале. Девушка оттащила зверя от воды, содрала клок шкуры и зажарила на костре кусок мяса. Остатки расхватили стервятники.

Она ела смоквы, клубни фенхеля, съедобные травы, кузнечиков и сладкие плоды кактуса, и все шагала за луной. Много ночей миновало, когда на рассвете Лидия вышла к месту столь чудесному, столь зеленому и мирному, что она опустилась на колени, раскинула руки и рассмеялась. Прохладные брызги окропляли ее лицо и руки, вокруг из-под земли сочилась и била, пенясь, прозрачная вода. Сверкая на солнце, влага собиралась в журчащие водопады и порог за порогом спускалась по склону к подножью горы, где струилась извилистой речушкой меж двумя селениями.

В одной из заводей Лидия вымылась с головы до пят и постирала одежду, отскоблив ее на большом валуне, где, к ее восхищенному изумлению, поблескивали зернышки кварца. Вокруг пели птицы, квакали лягушки, стрекотали сверчки. Казалось, она попала в рай — тот чудесный безмятежный сад, о котором мать, бывало, рассказывала, когда Лидии не спалось. Девушка прилегла отдохнуть в тени и задумалась о матери. Представила себе ее, отца, родной дом. Мать стоит на пороге и в ожидании дочери вглядывается вдаль. Отец после всех событий только сильнее горбится да молчит больше обычного. Впервые с тех пор, как она ушла из дому, Лидия позволила себе погрузиться в мысли о том, как, должно быть, тревожатся о ней

родители, и разрыдалась — взяли свое изнеможение и горечь из-за всего, что с нею стряслось.

Когда солнце поднялось выше, а тени стали короче, до ее слуха донеслись чьи-то голоса. Лидия подхватила одежду, разложенную на траве для просушки, и притаилась в тростнике. По склону, играя и крича, взбежали дети, а за ними неспешно поднялись женщины, молодые и пожилые, ведя на поводу ишаков. Они беседовали не тихо и робко, как женщины в ее родном селении, нет! Они шумно перекрикивались, смеялись громко и не таясь. Чтобы не замутить питьевую воду, женщины вымылись сами и выкупали детей ниже по течению. Затем выстирали одежду и, как Лидия, разложили ее на траве, одновременно приглядывая за детьми, чтобы те не приближались к водопадам. Закончив работу и обменявшись всевозможными новостями, они наполнили водой бурдюки из козлиной кожи, собрали постиранное и, напевая, зашагали вниз.

Мужчины у водопадов не появлялись.

Впрочем, нет. Когда женщины наконец скрылись из виду, пришел один. С длинной седой бородой и согбенной спиной. Его запыленные ноги были перевиты венами, руки дрожали. В надвигающихся сумерках он подставил под струи бурдюк, жадно напился и снова набрал воды до краев. Затем спустился ниже по течению, разделся и принялся мыть исхудалое тело. Спина его была исполосована глубокими шрамами, какие оставляет после себя кнут.

День клонился к вечеру. Старик оделся и со вздохом перекинул бурдюк через плечо. Лицо у него было спокойное, с темными, почти черными глазами и горбатым носом, от которого к уголкам рта расходились глубокие борозды.

Лидия вышла из укрытия.

Старик испуганно отпрянул.

Чтобы успокоить его, она тут же склонила голову и смиренно поздоровалась.

Поняв, что опасность ему не грозит, старик выжидающе

посмотрел на девушку и кивнул в знак приветствия.

Обнадеженная, Лидия почтительно спросила:

— Неужели, отец, нет у тебя женщины, что носит тебе воду?

Старик посмотрел ей в лицо. По ее речи он понял, что девушка явилась сюда издалека, а глаза поведали ему, что она молода и прекрасна и вот-вот родит.

— Нет, — ответил он. — Жены моей давно уж нет на свете, а дочь умерла четыре луны назад.

— Я могу носить тебе воду. Могу готовить тебе. Могу держать твой дом в чистоте.

В своем голосе Лидия различила мольбу.

Услышал это и согбенный старец. Он стоял недвижно. С бороды капала вода. Хитон лип к мокрой спине.

Лидия подошла к нему и взяла бурдюк из его трясущихся рук.

— Я могу стать тебе дочерью, отец.

— Люди осудят нас, девочка из дальнего края.

Лидия знала, что он прав.

— Я могу стать тебе женой, — прошептала она.

Старик устал, жизнь сломала его. Он так и стоял, ошеломленный нежданным предложением этой девочки разделить с ним жизнь и принести с собой ребенка. Ему вспомнился смех дочери, когда она была такой маленькой, что сидела у него на коленях и дергала его за бороду, вспомнилось, как легко было у него на сердце, как счастлив он тогда был. Сколько же с тех пор прошло лет!

Он посмотрел на Лидию.

Из-за деревьев к реке подкралась тьма, дневные звуки затихли. В кустах зашуршало, и оттуда, похрюкивая, вышел дикобраз. Люди глянули на него, но не сдвинулись с места.

Зачем он, старик, понадобился этой молодой девушке?

Ответ был очевиден.

Он может дать ей то, в чем она больше всего нуждается. Крышу над головой. Возможность выжить. Ее ребенку — шанс вырасти в безопасном месте. Защиту. Он коротко кивнул.

— Пойдем.

Старец повернулся и зашагал по тропинке. Лидия двинулась следом, изо всех сил стараясь не расплескать ни капли, хотя руки ее дрожали ничуть не меньше, чем его.

Как Зиссель в отцы достался старик

В речной долине у подножья горы, в которой брали начало источники, по обоим берегам стояли глинобитные домишки с земляным полом и мастерские. Один берег плавно переходил в бескрайнюю холмистую даль, а другой почти сразу упирался в каменистую подошву другой горы. Вот и прозвали люди один берег Низким, а второй — Высоким.

На Низком берегу ловили рыбу и засеивали пологие склоны холмов зерном. Местные жители держали скот и ухаживали за фруктовыми деревьями.

На Высоком берегу в оливковых рощах собирали обильный урожай и отжимали душистое масло, а за стены тамошней каменоломни, извиваясь, цеплялись виноградные лозы.

Но ничего этого Лидия не увидела: уже почти стемнело, и они со стариком недалеко ушли от источников. Они остановились у небольшого селения на склоне горы, на самом краю которого у тропинки мостилась хижина старика. У входа лежала, медленно жуя, белая козочка с бородкой. Когда Лидия вслед за согбенным старцем переступила порог, та проводила ее взглядом.

Войдя, Лидия опорожнила бурдюк в кувшин, чтобы вода оставалась прохладной, повесила пустой бурдюк на стену, осторожно распрямила спину и осмотрелась. У очага, на котором стоит горшок, — две табуретки. Под потолком сушатся связки лука, чеснока и трав. Подле очага — плоский шлифованный камень, на нем миска. На стене висят верши и масляная лампа, в углу ложе, сплетенное из ветвей ивы и устланное соломой, а на нем — два покрывала из грубого льна и звериные шкуры.

Согбенный старец живет не в грязной лачуге и, судя по всему, вполне может сам о себе позаботиться. Или кто-то заботится о нем. «Женщина», — подумала Лидия, заметив птичьи перья и глиняные бусины, которые кто-то нанизал

на льняную нить и повесил в качестве украшения.

Старик поймал ее взгляд.

— То моя дочь смастерила, перед смертью, — объяснил он. — Но ты садись. Как твое имя?

— Лидия, — ответила девушка. — А твое, отец? Как кличут тебя? — Она опустилась на табуретку.

— Каменотесом.

Каменотес разлил по деревянным тарелкам суп. Руки его дрожали, пара капель упала на пол. Чтобы не обидеть его, Лидия притворилась, что не заметила. Одна тарелка была простой, без украшений. На другой была вырезана кувшинка, ее-то старик и протянул Лидии.

Эта тарелка когда-то принадлежала его дочери, поняла она.

Лидия заснула. Не беспокойным сном, как во время бегства, когда она лишь слегка дремала в тени кустарника, а глубоко, провалившись в сон, как в бездонную, безмолвную пропасть, не успев толком осмотреться и понять, где и как ей теперь предстоит жить.

Когда она наконец проснулась, в доме по-прежнему царил полумрак. Каменотеса не было. В очаге потрескивало пламя, пахло жареным мясом, на плоском камне стояли две деревянные тарелки.

Лидия села и сложила руки на своем круглом, как шар, животе, в котором потягивалось царское дитя.

Закрывавшая вход циновка откинулась, и Каменотес вошел в дом. Увидев, что Лидия проснулась, он кивнул ей.

— Поедим, — сказал он. — Ты, должно быть, голодна — вон как спала, целую ночь и целый день.

Когда они наелись и утерли рот тыльной стороной ладони, Каменотес спросил:

— Где же отец твоего ребенка?

Лидия закусил губу, опустила глаза и сложила руки на животе.

— Я не хотела... — запинаясь, ответила она. — Отец

с матерью пытались остановить его...

— Царя?

— Да, Каменотес. Царя.

Старик поднялся и подошел к нише, которая находилась в таком темном углу, что Лидия ее еще не заметила. Откинув обрывок кожи, служивший занавеской, он вытащил из ниши сундучок.

Лидия не отрывала от него взгляда. Каменотес снова сел рядом и поставил сундучок себе на колени. Он хотел было что-то сказать, но не смог. Его губы дрожали, и Лидия с испугом увидела, что по глубоким морщинам к бороде покатались слезы. Руки его тряслись так сильно, что, протягивая Лидии сундучок, старик чуть не выронил свой груз. Девушка едва успела его подхватить. Она утвердила сундучок перед животом и, дождавшись кивка Каменотеса, откинула крышку.

Внутри на невысокой стопке тонкотканых простыней — в такие пеленают младенцев — лежал костяной гребень.

Хрипло, прерывисто Каменотес заговорил:

— Моя дочь умерла, рожая царское дитя, а с ней умер и младенец. Займи ее место, Лидия. Живи, и пусть живет и твой ребенок. Займи место моей дочери и знай: когда дням моим придет конец, все, что у меня есть, станет твоим.

Во всем Соломоновом царстве не сыскать было того, кто не осудил бы женщину, которая просто так поселилась в доме чужого мужчины. Вот и пришлось Каменотесу жениться на Лидии. Соседи приняли девушку, ведь она носила дитя Соломона, а царь не раз одаривал своими визитами женщин на Низком и Высоком Берегу. Все знали, какой ужасной смертью умерла дочь Каменотеса и выношенный ею царский плод, и жалели одинокого старика. Люди только радовались за Каменотеса, за которым теперь было кому приглядеть, и за Лидию, у которой появились защитник и крыша над головой.

Девушку на время поселили у соседей — у плетельщика циновок и его жены. Начались приготовления к свадьбе. Закололи козла. Крышу хижины Каменотеса заново перестелили пальмовыми листьями, а вход украсили ветвями и цветами.

В день бракосочетания соседские женщины искупали Лидию и вплели ей в волосы цветы. Вся деревня пела и ликовала, ела, пила и плясала. Вернувшись в дом, Каменотес, одурманенный сладким вином, уснул, едва дойдя до кровати.

Дождавшись, пока заснут соседи, Лидия осторожно спустилась к заводам. Там, в прохладной воде, в которой отражалась полная луна, и родилась Зиссель.